

УДК 811.161 + 81-112 + 81-115 + 81-11

Н.В. Пруткая

КОГНИТИВНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА КАК ФАКТОР ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается роль когнитивной и языковой зоометафоры в становлении концептуальной картины мира восточных славян донационального периода развития их языков. Зооморфная метафора приобретает ярко выраженный антропометрический характер в период христианизации при сохранении теистического принципа концептуализации мира. Репрезентация образа животного в сознании и языке обуславливается аксиологической шкалой ценностей исследуемого хронологического среза. Осмысление абстрактных сфер познания, которые задаются системой конвенциональных метафор, связано с первоначальными чувственными представлениями. Сенсорный опыт человека является прототипической ситуацией, на которой основывается формирование метафор-концептов. Один из способов выявления таких единиц мышления состоит в исследовании их репрезентаций средствами естественного языка. Характерной семантической трансформацией процесса формирования метафоры является переход от конкретного понятия к абстрактному. Изучая вербализаторы концептов, представляющих бытие человека, мы входим в смысловое поле его духовной жизни. Метафоричность нашего мышления обнаруживает универсальные и специфические черты ментальности народа, отражающие особенности концептуально-языковой картины мира.

Зооморфизмы системно включаются в языковую картину мира как структурированный фрагмент оценочной характеристики объектов и субъектов, явлений действительности, абстрактных понятий, значимых для концептуальной картины мира. Один и тот же зооморфный образ может развивать несколько метафорических смыслов. Доминантность смысла определяется системой культурно-ценностных установок определенного хронологического отрезка времени. Этнокультурные пропозиции определяют различную степень маркированности в культуре народа соответствующих антропо- или теистически ориентированных свойств животного.

Различия проявляются в полном или частичном несовпадении тождественных по исходному денотату вторичных номинаций. Вторичная номинативная единица актуализирует релевантные для носителя конкретного языка или представителя группы черты объекта называния и сокращает нерелевантные. Перечень различительных признаков формируется на протяжении длительного периода. Отбор признаков производится согласно общечеловеческим культурно-ценностным стереотипам, которые сформировались в древнейший период развития человечества.

Контаминация значений зооморфных номинаций языческой и христианской картин мира приводит к становлению определенным образом сформированной и устойчивой к XVII–XVIII вв. славянской концептуальной картины мира, к образованию ахронических констант, которые отличаются относительной постоянностью семантического объема понятия в хронологически разные отрезки времени и являются основой ахронических концептов.

Рефлексия как стремление увидеть себя в прошлом для поиска точек опоры, для определения первоначальных смыслов, понимания своей роли в истории ведет к попытке реконструкции архаичной концептосферы, важную роль в структуре которой занимают концепты, связанные с определением роли человека в «животворящем» мире. Роль человека может быть определена в контексте самосознания этноса, его культуры и границ, задаваемых этой культурой. Язык как основа культуры активно определяет эти границы. В той или иной традиции культуры знания структурируются особым образом

с помощью языка. Огромное влияние языка на формирование мышления подчеркивает В.И. Постовалова: «Язык, пронизывая все акты человеческой жизнедеятельности, глубочайшим образом связан с ее базисным релятивом – картиной мира, которая, будучи антропоцентричной по своей сути, не только запечатлевает образ мира сам по себе, но и фиксирует правила ориентации человека в этом мире, задает человеку стереотипы его восприятия» [1, с. 67].

Самоосознание восточнославянского этноса, связанное с осознанием себя как субъекта практической и познавательной деятельности, определяется выработанной на протяжении веков идеологической, в том числе религиозной системой. Реконструкция отдельных этапов становления такой системы возможна через зоолексемы, которые относятся к базовым образам лексики и фразеологии языка, и через определение концептообразующего характера связи таких единиц со значимыми для данного семантического пространства концептами.

Вопросы, связанные с исследованием особенностей вторичной номинации (вторичной деривации) лексем, входят в круг проблем исторической лексикологии и концептологии [2; 3; 4; 5]. Семантические дериваты, возникшие в результате переинтеграции внешней информации во внутреннюю, имеют метафорическую природу и, как правило, основываются на таком типе ассоциативных отношений между денотатами, как сходство или отличие. Значение метафоры формируется на основе типичных характерных признаков называемого класса объектов и их аналогов (в роли аналогов могут выступать не только объекты и субъекты, но и отдельные ситуации), которые соотносятся с субъектом метафоры. При этом характерной семантической трансформацией является переход от конкретного понятия к абстрактному. Поэтому, исследуя репрезентанты концептов, определяющих материальную жизнь человека, его бытие (в частности, животный мир природы), мы входим в смысловое поле духовной жизни человека, являющейся основой ментальности народа. С точки зрения М. Минского, анализирующего метафорические аналогии, метафора образует непредсказуемые межфреймовые связи большой эвристической силы, обеспечивающие концептуализацию определенного фрагмента действительности по аналогии с уже сложившейся системой понятий: «Такие аналогии порою дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы «в свете» другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт,

приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области» [6]. В этом

случае можно применить описание одного концепта в терминах другого, что является, с точки зрения когнитивистов, сутью метафоризации.

Человек постоянно сравнивает себя с реалиями окружающего мира (в том числе с животными) с помощью определенных признаков, реализация которых зависит от верно выбранной «точки отсчета» как основы сравнения и сопоставления. Такие признаки часто локализируются в метафорах. В. Телия, исследуя метафоричность наименований, пишет о том, что «в основе тропеических механизмов лежит а н т р о п о м е т р и ч е с к и й п р и н ц и п, согласно которому «человек — мера всех вещей». Этот принцип проявляется в создании эталонов, или стереотипов, которые служат своего рода ориентирами в количественном или качественном восприятии действительности» [7,

с. 173]. Кроме антропометрического принципа, в анализируемый период активно функционирует политеистический принцип как основной ориентир в языческой картине мира, теряющий свою доминантную позицию в христианской концептосфере. Животные, которые в дохристианский период выступали в роли идолов и божеств, утрачивают позицию, согласно которой представители фауны, а не человек, были, если и не мерой **всех** вещей, то, несомненно, многих.

Дж. Лакофф, разрабатывая теорию когнитивной метафоры, выдвинул предположение, что наша понятийная система, по сути, носит преимущественно метафорический характер, поэтому наше мышление, повседневный опыт и поведение человека в значительной степени обусловлено метафорами. Основные положения концептуального анализа состоят в том, что метафора относится не к уровню языка, а к уровню мышления и деятельности: «наша обыденная концептуальная система, в терминах которой мы одновременно думаем и действуем, фундаментально метафорична по своей природе» [8, с. 3]. Так как понятия не всегда интеллектуально осознаются нами, мы часто руководствуемся бессознательными мыслительными схемами на уровне автоматизма. Такого рода концепты обладают, с точки зрения когнитивистов, более важным, психологическим статусом по сравнению с теми концептами, которые осознаются [8].

В работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» обосновывается точка зрения, согласно которой метафора представляет собой важнейший механизм процесса освоения мира человеком, обеспечивающий перенос понятийных сфер сенсорных знаний (биологически и исторически сформированных ранее) на абстрактные понятийные сферы. Исследователи подчеркивают когнитивную роль метафоры и ее глубинную роль в концептуальной конституции человека. Метафора, с точки зрения Дж. Лакоффа, принадлежит к глубинным, а не поверхностным языковым структурам; метафора – это когнитивный агент, лежащий в основе нашей мыслительной деятельности, синтезирую-

щий новые понятия и структурирующий язык [3].

Когнитивные метафоры, которые облегчают процесс мышления, предоставляя сенсорный опыт, помогающий осваивать инновационные абстрактные концепты, выступают в качестве «подсказки», «помощника» для усвоения отвлеченных категорий. С помощью совокупности метафор, лежащих в основе мышления, которую мы бы назвали «метафорической констелляцией», формируется сеть концептов (когнитивная карта). Таким образом абстрактные концепты «укореняются» в индивидуальном опыте человека, который в свою очередь проецирует субъективные характеристики своей когнитивной карты на всякого рода абстракции. Следовательно, метафора – это двусторонняя (сенсорно-интеллектуальная) промежуточная репрезентация опыта.

Осмысление абстрактных сфер познания, которые задаются системой неосознанных конвенциональных (так называемых «мертвых») метафор, обусловлено первоначальными чувственными представлениями. Сенсорный опыт человека является основой, прототипической ситуацией для формирования метафор-концептов. Один из способов выявления таких единиц мышления состоит в исследовании их репрезентаций средствами естественного языка. При этом язык выступает как важный источник данных о том, что представляет собой понятийная система мышления. Языковая картина мира, создаваемая при участии такой метафоры, тоже влияет на мировосприятие человека.

Интересен применительно к теории когнитивной метафоры тезис о базовой опосредованности мышления телесным опытом, что подтверждается наличием в каждой культуре пространственных метафор (метафор ориентации), где главными яв-

ляются параметры *верх – низ, внутри – вне, левый – правый* и т.п. Зоосемизмы и зооморфизмы, вербализующие пространственную метафору, представлены в мифологическом и религиозном сознании и бессознательном человека. Согласно теории телесной ориентации, метафоры, определяющие верхние структуры, соотносятся с такими понятиями, как «добро», «сознание», «Бог», «душа», нижние – «зло», «бессознательное», «греховность». Левая сторона – сторона грешников: *по лѣвици стороны грѣшником^s назначена есть* (Варл., 68б). Животные, олицетворяющие грешни-

ков и праведников, располагаются соответственно: *поставитъ овцы по правицы*

своей, а козлы по лѣвицы (Каліст. I, 20).

Зооморфизмы и зоосемизмы, называющие животных, полноправно входят в многочисленный ряд номенов, вербализующих в древнерусский период бинарный концепт ДОБРО – ЗЛО, подчеркивая наличие в человеческой натуре животных, «зверских»

качеств: *но се [бесы] поистѣнѣ являжтєса топерво въ образѣ звѣринѣмь. и скотемь.*

и змеями. и гадо(м) (ЛЛ, 66 об. 1377 г.); *Не подобаетъ ... вълка съ овъчатъмь съкоуплати* (КЕ, 62 б. XII в. – СлДРЯ II, 160); *грабиши же аки волкъ, гнѣваешиа аки змии* (ПрЮр, 261в. XIV в.); *якоже звѣрь оукроти(м) просто ловимъ бывае(т), тако-*

же и желаньж, и гнѣвъ, и страхъ, и печаль, яже соуть дѣшевныя звѣри и ядовитыя,

молчаньжмъ полагають и силою словесною (Пч., 66 – 66 об. XIV в.); *пакы волкы приоучаемъ въ дворѣхъ кротко ходити, а сами акы волци съ бузакы ходяще, грабимъ чюжая имѣнья* (СбХл, 108 об – 109. XIV в.); *кственыѣ норовы ... тепль на желанию*

кѡнь, волкъ же не оукротитъ(ся) (МПр, 31 об. XIV в.); *и тогда ѡнь вселенѣи всеи по-*

слухъ, и яко по съредѣ лвовъ и медвѣдии и рыси и волковъ ѡтъ невѣрныхъ влачимъ

(ФСт, 58г. XIV в.).

Письменные памятники древнерусского периода прочно фиксируют в сознании восточных славян враждебный образ человека звериного нрава, проецируя его согласно нравственно-этическим установкам того времени через христианское понятие «грех»:

И се нападоша акы звѣриѣ, и прободоша блѣжнаго бориса и слугы жо избииша (Парем.,

262. 1271 г.); *они же оустрѣмиша(с) на нь яко звѣрье сверънии* (ЛИ, 128 об. ог.

1425 г.); *оуне есть Языкомъ неже ли дийю, ибо кромѣ дѣлесны(х) оставимъ естьство,*

труды, поты, похоти приносящихъ, како же оуже не творить. охнь всегда прилагаЯ,

и звѣрии нравъ притварЯЯ (ФСт, 165а. XIV в.). *древле не вси сподобилася чина и стоя(н)я. но иже бѣша достоини. ско(т)скии же и звѣриныи имущее нра(в) да*

о(т)жену(т)са (ГБ, 60г. XIV в.); *працаеми вси иже звѣрьскыми(м) право(м) и*

бо(ж)скимъ таина(м) неподобни (ГБ, 60г. XIV в.).

В семантическое поле бинарного концепта ДОБРО – ЗЛО входит ряд словообразовательных инноваций, свойственных этому периоду и характеризующих поведение грешного человека: *звѣритиса* «становиться подобным зверю, мерзким» (*аще кто ны*

досажаять ли оскулаять. ли поносить намъ абые не звѣримса. ни възмерзимса – ФСт,

85г. XIV в.); *звѣровидныи* «похожий на зверя» (*но яко же по(д)бенъ тебѣ образъ и оусвоенъ с(а)мое се еже звѣремъ и гадо(м) по(д)битиса. звѣровидныЯ твоея вола и стропотныЯ же и ядовитыЯ враждующаяЯ изволенъе показая* – ЖВИ, 128 – 129. XIV

– XV вв.); *звѣролютыи* «сторонник ереси» (*о хръсти Яноогльницѣхъ рекъше*

иконоразбищадхъ и звѣролютыихъ – КЕ, 274б. XII в.); *звѣрообразыѣ* «звероподобие,

жестокость», *звєроωбразно* «звероподобно, жестоко» (*слуги оубо и оружници.*

ωбиступльше и(х) [праведников] члѣвконемл(с)твно и ненавистно ω(т)сѣщааху. Язъкы

оубо клѣщами изъ оустъ извлекшее звєроωбразно ω(т)сѣкоша – ЖВИ, 88б. XIV – XV

вв.); *звєрьство* «жестокость, бесчеловечность» (*Иже хоцетъ оувѣрити лъжю клатвою, то зло притѣжанїе своего звєрьства приискаетъ клатвою – Пч., 88 об. XIV в.*). Это далеко не полный перечень дериватов номена *звєрь*, репрезентирующих одноименный диахронический концепт (см., например, также: СлДРЯ III, Срезневский и соответствующие словарные статьи).

Памятники восточнославянской письменности, преимущественно церковно-канонические, закрепляют в сознании славянина стереотип зла с «ликом» животного мира, чаще в образе волка: *Лихоимцев грабитель вълчей натуры, указующихся въ овечей покори* (Укр. п., 71. XVI в. – Карт.Тимч.); *Але и тые самыє дѣролазцѣ, наемницы, злодѣи, разбойницы, волци, драпѣжници, пси, волхви, чародѣе ... Всяк вид злобы мирское прошедше и естество обезчестившиє* (Виш. Домы., 191. 1605 г.). В этот период прослеживается острая социальная направленность лексических параллелей:

Справа ... ω побранье черезъ наместника Слуцкого Звєра Волчковича листовъ (КСД,

555. 1507 г.); И якъ в пуцахъ и в горах волки, мѣ/д/ведѣ, и лвы, звєрь єсть барзо сройї

... такъ в повѣтахъ и в мѣстах, мытникове, и ябедники, людѣ єсть над инших люди

нанєсправєдливїи и назлостївиї (УЄ Кал., 726. 1637 г. – Карт.Тимч.); *До такое унѣи они васъ довели, ... абысте ихъ видечи, брыдкие злости хитрости, штуки, вълчыє покори, на нихъ не волали* (Арх ЮЗР I/VII, 273. 1616 г.). Воля, мужество и вера человека укрепляются посреди зла: *такъ мужаються и укрѣпляются, посредѣ волковъ невредимы суть* (АЗР IV, 215. 1600 – 1605 гг.).

Анализ многочисленных аналогичных примеров основывается на критериях добра и зла как категориях социально-исторических, определяемых морально-нравственными принципами христианского мировоззрения восточного славянина средневековой эпохи (начиная с общего древнерусского периода). Именно эти критерии определяют семантику зоолексем и соответствующих им концептов, которые рассматриваются нами в диахроническом аспекте. Зооморфизмы, относящиеся к базисным единицам антропоцентричной картины мира, репрезентируют обобщающий образ челове-

ка, поведение которого мыслится в контексте христианской морали, однако при этом, возможно, бессознательно сохраняются языческие корни представлений о роли человека в мироздании.

В обобщающем номене-табу *зверь*, имевшем обширный синонимический ряд, включавший, например, такие яркие с точки зрения внутренней формы, номинации, как *враг*, *поганин*, переплелись давние и более поздние теистические представления о диком животном (чаще волке) как о *чужом*. Концепт ЧУЖОЙ включал в себя также как мифологические существа (нечистая сила разного рода, в христианстве – дьявол, Антихрист), так и представителей других стран, верований и религий (половцы, монголо-татары, евреи,

язычники, которые понимались как нехристиане, иноверцы) [5, с. 27]. В первом случае ос-

новой концепта послужило биологическое и философское противопоставление «нечеловек», во втором – идеологическое «человек – враг».

Метафора *зверь-чужинец* (вариант: *волк-чужинец*) чаще с дополнительной семантикой «враг» имеет давние и прочные корни. Христиане часто представляли язычников-чужинцев как существ, связанных с животными, имеющих звериную суть:

В Ёроваху бо и Мефитане быкоу, а волкоградци въ волкъ, а львоградци въ левъ (ГА, 45. в. XIII – XVI вв. – СлДРЯ II, 160); ***Не ури теж в татарских краинах люде, што ся на час в волки перемен яют, за бога марса хвалят*** (Бельск., 12б. XVII в).

Качествами хищного зверя обладали завоеватели: ***онъ же [Батый] яко свёр-***

пны звёръ. не пощади оуности его. велё предъ собою зарёзати (ЛИ, 263 об. ок. 1425 г.). Однако уважение к силе, смелости, которую, как правило, символизировали те же хищные животные, и презрение к слабости, трусости (чаще в образе овцы) выражало амбивалентный характер метафоричности мышления средневекового человека: *вои-*

ско их^s бёгати будет, перси бо сут овца, а македоняны зовуться волци перед

однымъ волком сто овец побёгнет (Алекс., 32б. 1697 г.).

Лексема *зверь* является одним из центральных структурных элементов семантического поля ЗЛЮ. Многочисленные ее дериваты (например, *зверство*, *зверообразье*, *зверинообразье*, *зверообразование*, *зверообразство*, *зверина*, *звероловец*, *зверье*, *звероядь*, *звероядина*, *зверояденье*, *звериный*, *зверский*, *звероядный*, *звероядивый*, *зверообразный*, *зверолютый*, *зверовидный*, *зверокормим*, *звере*, *звери*, *зверски*, *зверитисе* – СлДРЯ III, 363 – 366), охватывающие основные части речи, передающие семантику объекта, субъекта, их признака, степень проявления признака, признак признака и даже действие, характеризуют человека и его поведение в не меньшей степени, чем характер и по-

вадки животного, как правило, хищника. В этот период номены *зверь* и *хищник* становятся синонимами [9].

Конкретным репрезентантом «второй половины» концепта ЧЕЛОВЕК – ЗВЕРЬ с семантическими оттенками «чужой, враг, иноверец», как уже было сказано, чаще всего являлся номен *волк*. Анализ бинарного субконцепта ЧЕЛОВЕК – ВОЛК, входящего в гиперконцепт ЧЕЛОВЕК – ЗВЕРЬ в контексте языческой и христианской картин мира представляет особый интерес. Номен *волк* относится к общеславянскому лексическому фонду (ср.: русск. волк, укр. вовк, блр. воўк, ст.-слав. влькъ, болг. вълк, сербохорв. вўк, словен. voľk, чеш., слвц. vlk, польск. wilk, в.-луж. wjelk, н.-луж. wel'k). Наиболее вероятной исследователи считают этимологию, согласно которой праславянское *vьlkъ «растерзывающий» исконно родственное лит. viľkas, др.-инд. vřkañ, арм. gail и восходит к индоевропейскому *u̯lkʰos, являющемуся суффиксальным дериватом корня в значении «рвать», «волочить» (см. Фасмер I, 338; ИЭСРЯ I, 163). Исходная семантика лексемы предопределяет «участь» этого представителя животного мира, отношение к нему человека, на котором базируется образование концепта ВОЛК.

А.Н. Афанасьев описывает волка как хищника, имевшего в народных преданиях значение враждебного демона, нечистой силы ночного мрака и темноты, уничтожающей домашний скот. Метафоры *волк-туча*, *волк-зима* имели отношение к верованиям славян в существование демонов тьмы, похищающих солнце. Слова *темнота*, *ночь* как метафорические названия волка закрепились в народных загадках типа укр. «Прийшла темнота під наші ворота», русск. «Пришел волк – весь народ умолк, ясен сокол пришел – весь народ пошел». Период с ноября по март в народе назывался *волчьим временем*, а месяц *лютый*

(февраль) связывался с характерным эпитетом волка [10, с. 224 – 227]. По словам исследо-

вателя славянской мифологии, «Неутолимая жажда человека ведать и безвестное прошедшее, и таинственное будущее нашла для своих гаданий готовые образы и краски в поэтических сказаниях о природе; он только придал этим сказаниям более широкий смысл, нежели какой они имели первоначально, и сделал это не произвольно, а под влиянием мета-

форических выражений родного языка» [10, с. 228].

Волк как представитель нечистой силы в языческие времена становится сублимагом дьявола или его слуг в христианский период. Известные отрицательные качества естества волка, включающие названные признаки, способствуют развитию на базе основной семантики переносных метафорических значений «жестокий человек», а также «противник христианского учения, еретик», которые для зооморфизма *волк* становятся традиционными. Традиционная роль хищника в природе осознается и трансформируется в сознании как метафора *волк – зло* (ассоциативный ряд: *волк – жестокость*, *волк – враг*, *волк – то, с чем надо бороться*, *волк – то, что надо уничтожать* и т.п.).

Религиозный «оттенок» метафоры *волк – еретик* подкрепляется рядом словообразовательных инноваций. Основа *волк*- вошла в состав ряда сложных субстантивов и адъективов, характеризующих нравственно-этические, прежде всего теистические, установки в социуме. Врага церкви, еретика именовали *волкохищникъ*. Семантическая композита содержала в себе намеренную гипертрофированность по принципу «масло

масляное». Основа данного слова явилась производящей для имени прилагательного *волкохищный* (*влѣкохищный*), имеющего два значения: «похищенный волком» и «хищный, как волк» (о враге церкви): *Ис 7ъ Х7съ по Реченному, волкохищное овча на ramo воспримъ ко отцу принесе* (Азб., 106. 1654 г.); *Волкохищный* (ЧМ, авг., 16. – Дьяченко, 91). В церковной литературе дьявола называли *вѣлкомыслыныи* «мыслимый, представляемый волком» (там же).

Дериват *волконравіе* являлся синонимом слову «лицемерие» (Дьяченко, 91). Не случайно волк часто упоминается рядом с лисой – их объединяет в народном сознании такие черты, как вероломство, лживость: ... *до чого лисици было пришло, кды сѧ*

збирала на жабранину з волком, которій способъ лисици дѣлу такій оповѣдал (Апакр.,

22 – ГСБМ IX, 277).

Наличие переносного значения у зоосемизма *волкъ* обусловило возможность появления у производного прилагательного *волчий* качественно-характеризующего метафорического значения: *Дабы толкованиемъ всякому православному христианину явѣ было агньче имя отъ волчяго имене* (Лавр. (Азб.), 54. XIII в.). Адвербум *волчески* «поволчьи» также мог иметь как прямое, так и переносное значение: *И вставъ Бонякъ отѣха от вои и почѧ выти волчьскы и волкъ отвыся ему* (ЛЛ 271. 1409 г.); *Безаконии бо агаряне волчески всегда подкрадають насъ, злохитрено мирують сь нами* (Симеон. лет., 156. к. XV – н. XVI вв.). Выражение *волчий зуб показатъ* в значении «проявить агрессию, злобу» закрепилось в качестве фразеологизма: *штожъ за причину до мене мѣль, же ми таковой волчий зубъ показаль* (АСД VI, 121. 1608 г.).

Латинизм *люпусъ* (*lupus* «волк») в белорусской письменности нач. XVII в. выступает в качестве иноязычного вкрапления в функции экзотизма: *Принесли до жоны своей, которую звано люппус, то ест волчицею (по латине бовѣм волчицу зовут люппус)* (Бельс., 1446. XVII в.). Но в более позднее время, по свидетельству белорусского полемиста А. Филипповича, иноязычная лексема *люпус* употребляется как бранное слово среди некоторой части населения, знающей латинский язык: *На каждомъ мѣстицу в дворах и в судах уругаютъ з нас и гучатъ на нас гугу, русин, люпус, рела, господи помилуй, схизматик, туркогречин, одцепенец* (Филлипп. Диар. 1626. 1638 – 1648 гг.).

Начальные этапы формирования базового в опыте человека бинарного концепта ЧЕЛОВЕК – ЗВЕРЬ на основе когнитивной метафоры *человек – это зверь* связаны с выделением в народной традиция славян таких доминирующих признаков, как *злой, свирепый, жестокий, враждебный*. Образ волка, которого народные верования наделяли магической, дьявольской силой, занимал особое место в народной мифологии и полностью впитал в себя названные характеристики. Загадочный хищник внушал ужас древнему человеку. В зооморфном образе волка олицетворялась магическая нечистая сила мрака и темноты. Так родились персонажи славянского народного творчества – оборотни-волки – полулюди, полуволки (интересно заметить, что «удельный вес» волчьей сути у таких существ у разных народов мог отличаться): *русск. волколакъ, вуркодлакъ, вурдалакъ, волкодлакъ*, диал. *русск. волколака* (севск.); *укр. вовкулак*, диал. *укр. вовкун, вовкулака*; *блр. волколак, волкулак* (смог.); *болг. вѣрколак*; *сербохорв. вукодлак*; *словен. vođkodlák*, *чеш. vlkodlak*, *польск. wiekołak* (Фасмер I, 338–339). Вторая часть данных слов тождественна церк.-слав. *длака* «волосы, шкура» (Фасмер, там же; Преображен-

ский I, 91). Можно предположить, что украинский вариант *вовкулак* является результатом контаминации слов *волкодлак* и *кулак* (ассоциативный ряд: *сильный, крепкий*).

По свидетельствам А.Н. Афанасьева, слово *влькодлакъ* в значении «темные тучи» зафиксировано в старинной Кормчей Книге, найденной Ф. Миклошичем: Облаки гонештеи отъ селянь *влькодлаци* нарицаются; егда убо погыбнетъ луна или солънце – глаголють: *влькодлаци* луну из(ѣ)доша или слънце [10, с. 95–118].

В русском фольклоре *волколак* в основном человек, превратившийся в волка в результате чужой злой воли [11, с. 423]. В украинском народном творчестве у *вовкулака* несколько иной образ. Это человек, который по собственному желанию превращается в волка или становится самим собой: *Тыє люде на час въ вола и вовка перем ѣнятися* (Крон. Боб. II б. XVII в.). Украинцы верили в то, что в каждом селе живет *вовкулака* – человек-волк. В отличие от ведьм и упырей это существо заметного вреда не приносит. Такие люди рождены от нечистой силы или как наказание родителям за их грехи. Вовкулака в определенное время (чаще в полнолуние) превращается в волка-одиночку и сам от этого очень страдает. Если он и вредит односельчанам, то редко и без злого умысла.

В «Белорусских народных преданиях» П. Древлянского (псевдоним П.М. Шпилевского) описан существующий издавна в белорусской мифологии персонаж *волколак* (*вовоклак*) как человек-оборотень, по своей воле или по воле колдуна превращающийся в волка. Сюжетом послужил рассказ о превращении в оборотня соперника на свадьбе. В своей статье «Исследование о вовкалаках», ссылаясь на Геродота, П.М. Шпилевский утверждает, что поверье об этих существах изначально родилось у белорусов, а от них распространилось на другие славянские территории. Е.Е. Левкиевская подвергает сомнению это утверждение и связывает его с идеей национальной полноценности, которую пропагандировал ученый [12].

П. Древлянский предлагает свою этимологию слова *вовколак*: «волк-лекарь», «волк-знахарь, знахарь, обращающийся в волка» – и связанную с этим объяснением форму *вовколек*. На основании того, что эта форма больше нигде не зафиксирована, Е.Е. Левкиевская считает ее искусственно придуманной, фантомной. С этим можно согласиться. Однако, как мы полагаем, представление образа вовколака у П. Древлянского основано на традиционно закреплённом в культуре дохристианского общества ассоциативном ряде: лечить – знахарь – колдун (в др. культурах – шаман) – одет в шкуру животного и т.п. Поэтому содержательные элементы номена (логические и эмотивные), сложившие в стереотип, могли гипотетически существовать в народном сознании. Когнитивная метафора обеспечивает в этом случае переход из реального мира в гипотетический.

Антагонизм, изначально заложенный в противопоставлении *человек – волк*, имеет глубокие корни и отличается стабильностью на протяжении всего периода существования человека. Противоборство человека и животного отражено как в самых ранних устных и письменных памятниках, так и в современной литературе восточных славян. Невозможность отделения человека от зверя, их изначальную и до вечную синкретичность закреплено в фразе *человек человеку волк*.

Первостепенные (базисные, ключевые, основные, доминирующие) когнитивные метафоры, согласно теории Дж. Лакоффа и его коллег, определяют способ мышления о мире или его фундаментальном фрагменте. Они обращены к бессознательному человека и поэтому выполняют определяющую функцию в формировании концептуальной картины мира как отдельного индивидуума, так и народа. Второстепенные (но первичные по образованию) метафоры определяют наши представления об объекте или категории объектов и наряду с познавательной выполняют экспрессивную функцию, формирующую устойчивые когнитивные и языковые коннотации. Человек испытывает на себе влияние таких метафор,

проявляющееся в типе его мышления и поведении. Метафоричность нашего мышления, репрезентирующаяся языковыми метафорами, определяет особенности ментальности народа в целом как носителя конкретного языка. Анализ зооморфных метафор, характеризующих человека или репрезентирующих морально-нравственные установки в языческой и христианской картинах мира, обнаруживает универсальное и специфическое в соответствующих фрагментах концептуальных и языковых картин мира.

Зооморфная метафора приобретает ярко выраженный антропометрический характер в период христианизации при сохранении теистического принципа концептуализации мира. Образ человека моделируется по принципу «зеркала»: с одной стороны, образу животного приписываются антропоморфные свойства (более свойственно язычеству), с другой стороны – фаунистический образ проецируется на человека, которому приписываются зооморфные характеристики. Иногда этот принцип действует как «кривое» зеркало: намеренное искажение свойств и характеристик человека или животного является результатом работы сознания с целью акцентуации, выделения особо значимой для жизнедеятельности информации. Результатом семантического «зазеркалья», например, являются полуреальные-полувымышленные образы необыкновенных «бестий» или образы химерных существ – полулюдей-полуживотных (например, вовкулак) как основа когнитивной и языковой метафоры.

Наше поведение обусловлено наличием и структурой когнитивных и языковых метафор. Мы представляем зверя и мыслим о нем соответственно сформированному концепту: зверь – воплощение зла, жестокости, враг; человек – его противник, он должен уничтожить, победить врага. Когда человек говорит о звере, он пробуждает в себе на уровне мыслей и действий поведение, соответствующее устоявшейся метафоре и концепту. В этом смысле метафора определяет нашу жизнь в контексте конкретной культуры. Если в другой культуре зверь представлялся иначе, то и люди в такой культуре вели себя по отношению к этому животному иначе; качества определенного животного существа, приписываемые человеку, имели иной характер (вспомним описание волкоградцев в «Александрии» или давние представления славян-язычников о животных-тотемах). Зооморфизмы, как правило, демонстрируют типологическую идентичность когниций, лежащих в основе номинации, при нетождественности их культурологических оценок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поставалова, В.И. Существует ли языковая картина мира? / В.И. Поставалова // Язык как коммуникативная деятельность человека. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
2. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика / Дж. Лакофф // Язык и интеллект / Пер. с англ. и нем. Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1996. – С. 143–185.
3. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. С. 387–416.
4. Межжеріна, Г.В. Концепт-поняття «вірність/невірність християнському вченню»: семантика давньоруських лексем XI–XIII ст. / Г.В. Межжеріна // Мовознавство. – № 5. – 2005. – С. 33.
5. Селіванова, О.О. Опозиція *свій* – *чужий* в етносвідомості / О.О. Селіванова // Мовознавство. – 2005. – № 1. – С. 27.
6. Плисецкая, А.Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности / А.Д. Плисецкая // Текст доклада на конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике», 1–7 сентября 2003 г. – Варна.

7. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. – С. 173–203.
8. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago, 1980.
9. Прутка, Н.В. Історія загальних найменувань тварин і їх похідних у російській та українській мовах / Н.В. Прутка // Наука і сучасність: Зб. наук. праць. КНПУ ім. М.П. Драгоманова. – Т. 60. – К.: Вид-во КНПУ ім. М.П. Драгоманова, 2007. – С. 214–220.
10. Афанасьев, А.Н. Мифология Древней Руси. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. – М.: Эксмо, 2007. – 608 с.
11. Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин – М.: Наука, 1991. – 511 с.
12. Левкиевская, Е.Е. Механизмы создания мифологических фантомов в «Белорусских народных преданиях» П. Древлянского / Е.Е. Левкиевская // Славянский обзор: Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. – 334 с.

Список сокращений источников

- АЗР** – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией, т. I – V. СПб, 1846 – 1853.
- Апакр.** – Апокрисисъ албо отповедь на книжки о съборе берестейскомъ (Вільня, 1598).
- Арх. ЮЗР** – Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, ч. I – VIII. – Киев, 1859 – 1911.
- Апакр.** – Апокрисисъ албо отповедь на книжки о съборе берестейскомъ (Вільня, 1598).
- Бельск.** – «Хроника» М. Бельского н. XVII в. Рук. ГПБ имени М.Салтыкова-Щедрина, Ф. IV. 688.
- Біблія** – Библейские книги н. XVII ст. Рук. ГПБ имени М. Салтыкова-Щедрина, Ф. 1. 2.
- Бер.** – «Лексиконъ славеноросскій ...» Памвы Беринды.
- Варл.** – Гисторія албо правдивое выписаніє ст. Іоанна Дамаскина, о житіи святых преподобных отецъ Варлаама і Осафа ... (Куцеїп, 1637).
- ГА** – Хроника Георгия Амартола XI в. в сп. XIII – XIV вв., ГБЛ, Фунд., № 100, 273 л.
- ГБ** – Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в., ГИМ, Син., № 954, 213 л.
- ГСБМ** – Исторический словарь белорусского языка. – вып. 1 – 28, Минск: Наука и техника, 1983 – 2002.
- Даль** – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1978 – 1981. Т. I – IV.
- Дьяченко** – Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М., 1900.
- Зб. 255** – Сборник поучений сер. XVII в. Рукопись Центральной библиотеки Академии наук ЛитССР, РКФ – 255.
- Каліст** – Евангеліє учителное, албо казаня на кождую неделю и свята урочистыи презъ святого отца нашего Калиста (Еўе, 1616).
- Карт.Тимч.** – Картотека «Исторического словаря украинского языка» Е. Тимченко (г. Львов).
- ЛИ** – Летопись Ипатьевская, южнорусский летописный свод к. XIII в., сп. ок. 1425 г. Изд.: ПСРЛ. т. 2, изд. 2. – СПб, 1908.
- ЛЛ** – Летопись Лаврентьевская, владимирский летописный свод 1305 г., по сп. 1377 г. Изд.: ПСРЛ. т. 1. – Л., 1926 – 1927.
- МПр** – Мерило праведное, XIV в., ГБЛ, ф. № 304, № 15, 348 л
- Парем.** – Паремейник, 1271 г., ГПБ, Q. п. I, 13: проложное житие Бориса и Глеба.

Преображенский – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – 1284 с.

Пч. – Пчела, XIV – XV вв., ЦГАДА, ф. 181, № 370

СбХл – Сборник, XIV в., ГИМ, Хлуд., № 30д.

СлДРЯ – Словарь древнерусского языка XI — XIV вв. \ Ред. Аванесов Р.И. – М.: Русский язык. – в 10 тт. – 1988 (см. в т. I список сокращений источников).

ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2005.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. т. I – IV. – М.: Астрель, 2004.

ФСт – Огласительные поучения Феодора Студита, XIV в., ГБЛ, МДА, ф. 172(1), № 52. 230 л.

Prutkaya N.V. The conceptual and Language zoo-metaphor as a factor of adaptation the picture of the world by man

The article deals with the role of cognitive and language zoo-metaphor in the formation of the Eastern Slavs' conceptual picture of the world of their languages' pre-national period. Zoomorphic metaphor acquires brightly expressed character in the period of Christianization preserving the theistic principle of world conceptualization. Animal image representation in consciousness and in the language is conditioned by axiological value scale of the chronological section which is being studied. Comprehension of cognition abstract spheres, which is defined by the system of conventional metaphors, is connected with the initial feeling idea. The person's sensory experience is a prototypical situation which is the basis of metaphors-concepts forming. One of the ways of such thought units exposing is in investigation of their representations by means of the natural language. The characteristic semantic transformation of the metaphor forming process consists in the transition from a concrete notion to an abstract one. Studying concept verbalizes which present human being, we enter the semantic field of human spiritual life. Metaphorical character of our thought shows universal and specific features of people mentality which reflect the peculiarities of conceptual-language picture of the world.

Матэрыял паступіў у рэдкалегію 29.12.2009